

1

Мужчина в зеленой шляпе всегда входил в вагон на “Берси” и всегда через передние двери; выходил он ровно через семнадцать минут на “Ламонтт-Пике — Гренель”, через те же двери, — в дни, когда остановки, звоночки и металлическое побрякивание чередовались мерно и ритмично, в дни без особого столпотворения, без происшествий и тревожных сирен, без забастовок и задержек в целях регулирования движения. В обычные дни. Дни, когда кажется, что ты — частица хорошо смазанной машины, большого механического целого, где каждый волей-неволей находит свое место и играет свою роль.

В дни, когда Жюльетта, спрятавшись за солнечными очками-бабочками и толстым шарфом, связанным бабушкой Адриенной для дочки в 1975 году, — шарфом

длиной в два с половиной метра, если быть точным, линялого синего цвета, как дальние вершины в семь часов вечера летом, да не абы где, а если смотреть на гору Канигу с холмов Прада, — спрашивала себя, важнее ли ее существование в этом мире, чем жизнь паука, которого она утром утопила в душе.

Она не любила так делать — направлять струю на черное мохнатое тельце, коситься краем глаза, как тонкие ножки сперва исступленно сучат, потом вдруг поджимаются, как вода крутит насекомое, крохотное, легкое, словно обрывок нитки от любимого шерстяного пуловера, а потом уносит в слив, в который она тут же энергичным шлепком вгоняла затычку.

Серийные убийства. Каждый день пауки лезли снова, выползали из канализации после невесть где начавшегося водного круиза. Может, те же самые, что были сброшены в темные невообразимые глубины, в городские внутренности, похожие на громадный резервуар с вонючей копошащейся жизнью, расправились там, воскресли и опять обреченно потянулись наверх? Жюльетта-преступница, полная отвращения убийца, представлялась самой себе безжалостной, но рассеянной, а по большей части слишком занятой богиней, время от времени надзирающей за люком в ад.

На что надеялись все эти пауки, ступая, так сказать, ногой на сушу? Куда они собирались путешествовать и зачем?

Человек в зеленой шляпе, наверно, мог бы дать Жюльетте ответ — если бы она осмелилась его спросить. Каждое утро он открывал портфель и вытаскивал оттуда книгу, обернутую в тонкую, полупрозрачную, тоже зеленоватую бумагу, и неспешными, точными жестами разглаживал уголки. Потом просовывал палец между страницами, разделенными полоской такой же бумаги, и начинал читать.

Книга называлась “История насекомых, полезных для человека, животных и искусств, с добавлением Приложения об изведении насекомых вредных”¹.

Он поглаживал крапчатый кожаный переплет и корешок с золочеными нитями и заглавием на красном фоне.

Открывал книгу, подносил к лицу и нюхал, прикрыв глаза.

Читал из нее две-три страницы, не больше, словно лакомка, пробующий шу с кремом крохотной серебряной ложечкой. На его лице появлялась загадочная и довольная улыбка — примерно такой виделась очарованной Жюльетте улыбка Чеширского Кота из “Алисы в Стране чудес”. Как в мультфильме.

На станции “Камбронн” улыбка исчезала, сменяясь выражением печали и сожаления; он снова загибал бумагу, клал книгу обратно в портфель и клацал замочками. Вставал с места. За все это время он ни разу не взглянул на Жюльетту, сидевшую напротив — или

1 Книга Пьера Жозефа Бюкоза (1785), французского ботаника, натуралиста, врача и адвоката. (Здесь и далее — прим. перев.)

стоявшую над ним, цепляясь за поручень, отполированный ежедневным прикосновением сотен ладоней, в перчатках и без, — и пожиравшую его глазами. Он удалялся мелкими шажками, очень прямой, в наглухо застегнутом пальто и шляпе, сдвинутой на левую бровь.

Без этой шляпы, без улыбки и портфеля, в котором он запирал свое сокровище, Жюльетта его бы, наверно, не узнала. Мужчина как мужчина, не красавец и не урод, не обаятельный и не противный. Чуть полноват, неопределенного возраста — точнее, определенного, если уж говорить штампами.

Просто человек.

Или, вернее, — просто читатель.

— Пчела, шелковичный червь, кермес, кошенильный червец, рак, мокрицы, шпанские мушки, пиявки...

— Это ты о чем?

Жюльетта, напевавшая себе под нос, подскочила на стуле.

— Ой! Да ни о чем. Вроде считалочки... Попыталась вспомнить названия...

— Пришли результаты диагностики эффективности энергопотребления для квартиры на бульваре Вольтера, — сообщила Хлоя, не слушая ее. — Досье у тебя?

Жюльетта кивнула не сразу. Она все еще думала

про мужчину с зеленой книгой, про насекомых, про пауков — сегодня утром утопила двоих.

— Давай я подошью.

Она крутанулась на стуле, вытащила папку со стеллажа, занимавшего всю стену, и сунула туда листки. Картонка была противного желтого цвета. Какая унылая гадость! Целая стена вспучивалась, топорщилась отклеивавшимися по углам этикетками и, казалось, вот-вот выльется ей на голову, как ночной горшок. Жюльетта закрыла глаза, представила себе бульканье, лопающиеся пузырьки на поверхности и — запах; она сильно ущипнула себя за нос, сдерживая рвотный позыв.

— Что с тобой? — спросила Хлоя.

Жюльетта пожала плечами.

— Ты беременна? — не унималась коллега.

— Ничего подобного. Просто не понимаю, как ты работаешь, сидя напротив вот такого... Тошнотный цвет.

Хлоя уставилась на нее круглыми глазами.

— Тош-нот-ный? — повторила она по слогам. — Сбрендил ты совсем. Много я всякой фигни слышала, но чтоб такое... Это же просто папки. Ну да, уродские, но... Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Жюльетта неритмично постукивала пальцами по столу: пчела, шелковичный червь, кермес, кошенильный червец, рак, мокрицы, шпанские мушки, пиявки...

— Совершенно, — ответила она. — А ты что читаешь в метро?